40 коп.

Т. СЕМЯШКИН

КОЛВА — КОМИ-НЕНЕЦКОЕ СЕЛО

Коми книжное издательство
1991

Т. СЕМЯШКИН

КОЛВА — КОМИ-НЕНЕЦКОЕ СЕЛО

Сыктывкар
Коми книжное издательство
1991

Издание осуществляется
по заказу Усинского горисполкома

ISBN 5-7555-0359-1

© Семяшкин Т. И., 1991

ДАЛЕКОЕ НАЧАЛО

Колва стоит на высоком, ровном берегу, в четырех километрах от устья одноименной речки. В 1990 году селу исполнилось 165 лет. С новыми постройками стоят рядом и дома, которым восемьдесят, девяносто и даже сто лет.

Место первыми поселенцами было выбрано весьма удачно: река Колва, как водный путь, вела в самое сердце тундры, через эти места на зимовье двигались многочисленные оленьи стада как ижемских оленеводов, так и ненцев. Привлекали поселенцев и хорошие возможности для рыбной ловли, охоты. И кто знает, может, на десятки лет Колва так и осталась деревушкой из нескольких домиков, если бы в двадцатые годы XIX века царское самодержавие не начало проявлять интерес к богатствам тундры. В целях не только физического, но и духовного закабаления кочующих народов тундры используется религия.

Из летописи Колвинской Никольской Самоедской церкви известно, что еще в 1824 году архангельским епископом Неофитом в кочевья большеземельских самоедов Ижемского прихода на основании решения синода была организована миссия. В состав ее вошли: настоятель Антониево-Сийского монастыря архимандрит Вениамин, священники Федор Истомин, Михаил Леонтьевский, Александр Спирихин, титулярный советник Федоров, причетчик Яков Истомин и другие.

Выехав из Архангельска в январе 1825 года, миссия в течение года проводила христианизацию самоедов в Канинской тундре.

К озеру Хорвей группа духовных отцов прибыла 1 августа 1826 года, и в первый же день приняли крещение 33 самоеда. А в течение августа в христианскую веру было обращено 347 человек.

Доверчивые, порой по-детски наивные, самоеды сами водили миссию по местам поклонения. Только в окрестностях этого озера было сожжено 30 деревянных и сокрушено 20 каменных идолов.

Первой заботой миссионеров было крещение представителей богатой верхушки. Миссионеры отлично понимали, что успех христианизации зависит во многом от этого.

Представителей ненецкой верхушки они окружали вниманием, воздавали им разные почести и лишь в крайнем случае прибегали к насилию. Таким образом Вениамину удалось крестить десятского канинских ненцев Лапеидона Сулентьева, наиболее крупного богача тундры Илью Баракулева, старшину канинских ненцев Хохолю Баракулева, богатея Петра Коникова и других.

А за время с 1825 года по 1830 миссия Вениамина, согласно ее отчету, окрестила в Большеземельской, Канинской, Тиманской тундрах 3303 человека.

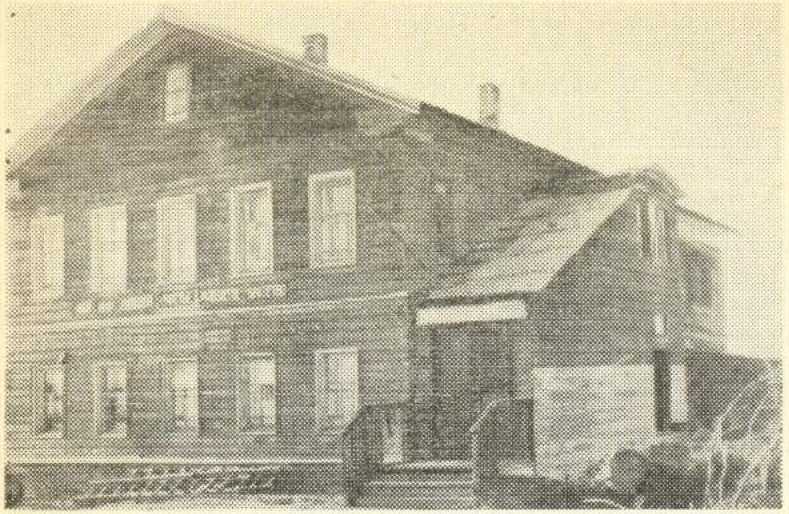
Дела, как видим, шли неплохо. И все же о силе духовной власти в то время, когда за сотни верст не было ни одной церквушки, и говорить было нечего: «ветреные» кочевники тундры снова бы взялись за обожествление идолов.

Поняв это, миссия ходатайствовала перед синодом о постройке церкви. Царь Николай в феврале 1829 года указом ассигнует на построение трех церквей в тундре 75 000 рублей. Специальная комиссия местом построения церкви для самоедов Большеземельской тундры избрала Колву, и в сентябре 1829 года на месте будущей церкви был установлен крест. Строительство начали в 1830 году, закончили в 1831.

По мере того как часть оленеводов, особенно более состоятельная, а также самая нищая братия пастухов, которым нечего было терять, переходили на оседлость, росло и село. На оседлость переходили как обедневшие семьи ненцев, так и ижемские зыряне. Самоеды женились на женщинах-зырянках, самоедки (что было заметно реже) выходили за зырян. Так возникали новые семьи. Через семьдесят лет со дня основания поселения, в 1895 году, в Колве только оседло живущих ненцев было уже 121 человек мужского пола и 160 человек женского пола. Здесь проживали представители почти всех родов: Выучей, Сядей, Хатанзей, Ванюта. Каждый род в свою очередь состоял или подразделялся на несколько фамилий. Среди них Убков, Лымин, Чаков, Рокин, Вонокан, Лабазов, Хенерин и многие другие. Интересно, что в документах церкви, когда совершался какой-либо гражданский акт, непременно указывалась не только фамилия человека, но и из какого он рода.

Так, в брачном документе от 29 июня 1886 года в графе «невеста» записано: «Самоедина рода Хатанзей Василия Давыдовича Хепти-Хечеева дочь, девица Домна».

Но прихожане церкви проживали не только в Колве. К колвинскому приходу относились все ненцы, кочующие



Дом священника, построенный в 1881 году

по Большеземельской тундре на территории, раскинувшейся на 600 верст к востоку от Урала и на 1000 верст к северу — до Пустозерска и Ледовитого океана. Таких на первое января 1895 года состояло 896 человек мужского пола и 1050 человек — женского.

Благодаря крупным пожертвованиям, которыми богатеи одаривали духовную власть, колвинская церковь становится одной из самых богатых на Печоре. Владела она не только обширными угодьями для оседлого скота, но имела и оленьи стада. Церковь становится духовным центром и для жителей припечорских населенных пунктов. Венчаться, крестить детей, отпевать усопших, да и на церковные праздники едут в Колву из Мутного Материка и Щельябожа, Усть-Лыжи и Кожвы, Бызовой и Конецбора, а также с верховьев Усы. Правда, в некоторых из этих деревень тоже были церкви, церковь была и в Усть-Усе, но верующие, особенно из богатого сословия, стремились в Колву.

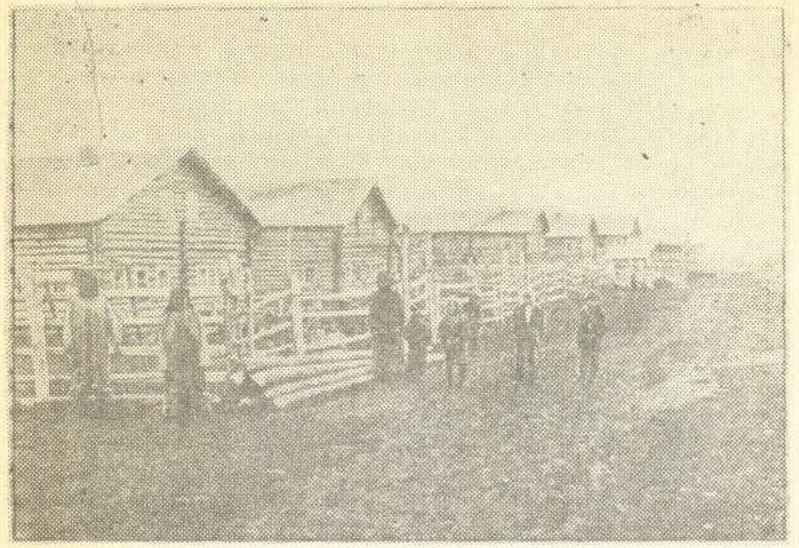
И хотя все это было так, хотя исконные кочевники тундры становились одной веры с зырянами Ижмы и Приусья, хотя все чаще возникали родственные узы между ними, споры и распри между соседствующими народностями не прекращались. И это небезынтересно рассмотреть подробнее.

НЕНЦЫ И КОМИ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Право называться хозяином тундры, право на экономическое обладание ее просторами — вот гордиев узел, вокруг которого шли вековые распри ненцев и ижемских зырян, доходившие порой до борьбы «не на живот, а на смерть». Разрубить его была не в силах и церковь, да и особого рвения в этом служители религии не проявляли. Так было выгоднее, да и легче держать в руках паству.

Сложные отношения эти складывались десятилетиями с того самого времени, когда просторы тундры стали использоваться и зырянами-оленеводами, стада которых все росли. Ненцы сопротивлялись заселению зырянами Усы и ее притоков, где, начиная с первой половины XIX века, «самовольно» возникают целые деревни. Поселившись, многие зыряне, и притом с легкостью, стали эксплуатировать простодушных и доверчивых сынов тундры. Путем спаивания и обмана за бесценок добывались от них продукты оленеводства, пушнина.

В конце XIX века и в начале XX заселением Приусья начинают интересоваться власти. Толчком к этому в какой-то мере послужила всеобщая перепись 1897 года, обнаружившая новые поселения. Манили и прекрасные заливные луга по Усе, Большой и Малой Роговой, Адзьве и многим другим притокам, а также близкие проходы и становища ненцев-оленеводов. Вариантов и проектов было много. Занимались этим и путешественники и исследователи края. Каждый из них выдвигал свои идеи, строил проекты. Профессор Н. Н. Мамадышский в своей книге «Усинский край», изданной в 1910 году, писал, что исследователь Печорского края А. В. Журавский, являясь сторонником заселения края, в то же время выступал как принципиальный апологет ненцев, вступая, таким образом, в противоречие с самим собой. Он считал, что всю Большеземельскую тундру следует отдать в исключительное владение и пользование ненцев как исконных ее владельцев. В связи с этим он как в письмах, так и в устных высказываниях предлагал удалить из тундры всех коми с их оленьими стадами и даже провести демаркационную линию. Он предлагал ввести строгий закон, согласно которому ни один зырянин не должен переступать проведенную линию, а нарушитель и его семья должны строго наказываться. Отсюда вытекало: коми следовало удалить с Приусья. А с выходом их из тундры должны уйти оттуда и их стада, поголовье которых насчитывало в начале XX века более 150 000. Уйти же было некуда. Следовательно, их оленеводство должно погибнуть...



Село Колва. Снимок начала века. Фото Я. И. Лейцингера

Все это противоречило идее заселения Усинского бассейна, в состав которого входили и районы глубокой тундры.

Более верной была точка зрения самого Н. Н. Мамадышского, посланного в 1909 году архангельским губернатором для экономического изучения Усинского края. В своем отчете о поездке он пишет: «...Не изгнание зырян из тундры, а возможное примирение их интересов с интересами самоедов должно лечь в основу их будущих взаимоотношений...» Вывод, как видим, содержит глубокий и серьезный смысл. Но только в условиях взаимного уважения, общих интересов, взаимопонимания национальных особенностей друг друга могли установиться отношения, которые прекратили бы недружелюбие и вековую вражду.

В то же время Н. Н. Мамадышский в своем отчете отмечает, что экономическая борьба между зырянами и самоедами продолжается, но идет она далеко не в пользу самоедов, что захват зырянами тундры все ширится, их влияние на самоедов все растет и что в этом немалая вина самих ненцев, по натуре простодушных, по-детски доверчивых, без лицемерия и хитрости. Поражает и изумляет исследователя ассимиляция ненцев.

И действительно, в то время как в тундре жили ненцы, ненавидевшие зырян, близко не допускающие их к себе, ограждающие тундру от их вторжения даже с оружием

в руках, не утратившие чистоты языка и своих обычаев, в черте оседлости почти не было ненецкого языка, все больше исчезал и извечный кров ненца — чум. Вот как тот же Н. Н. Мамадышский излагает свои наблюдения:

«На чисто самоедском языке в Колве почти никто не говорит, его вытеснил зырянский язык, а из самоедских семей — самый незначительный процент не скрещенных с зырянскими.

В 50 обследованных дворах Колвы оказалось только два домохозяина-старика, вполне владеющих самоедским языком, а семь домохозяев-самоедов дали следующие ответы о своем родном языке: «Знаю плохо», «Знаю слабо», «Знаю отдельные слова». В 41 дворе совершенно нет знающих самоедский язык.

Это явление, вызывающее изумление, указывает на то, как сильно влияние на самоедов зырянской народности, что даже родной язык бесследно исчезает...»

Обращают на себя внимание перечисленные Мамадышским причины, приведшие к этому. И в первую очередь — «влияние женщины-зырянки, вошедшей в большинство семей самоедов, на уклад их жизни, на их быт, на духовный мир, на умственное развитие, на интеллектуальный уровень самоедов, с удивительной легкостью скользящих под кров зырян, племени наиболее сильном, умном и развитом». И, излагая эти причины, наблюдая ход происходящего, автор подтверждает бытующее мнение: «Самоеды — вырождающееся племя, и должно погибнуть под ударами и натиском более сильного племени зырян».

И это действительно так. Участь эта ждала не только ненцев, но и многие другие народности окраин царской России. Но история распорядилась иначе. Октябрьская революция положила начало новому времени, новой жизни как для больших, так и для малых народов России.

ТАК ВХОДИЛА НОВАЯ ЖИЗНЬ

1918 год. Один за другим возникают в Припечорье Советы. В первой половине года организуются Советы в Мохче, Красноборе, Брыкаланске, Щельябоже, Усть-Усе, Кожве... В этом же году — в Колве. Однако окончательно Советская власть установилась здесь лишь осенью 1919 года.

Колва слыла в те годы самым зажиточным поселением не только в Приусье, но и на средней Печоре. Об этом говорят и документы подворно-экономического исследования края, составленные в результате экспедиции, организованной по ходатайству А. В. Журавского решением особого губернского совещания Архангельской губернии.

В книге-отчете «Усинский край», изданной в 1910 году, его автор Н. Н. Мамадышский приводит такие данные: своих оленей имеют только в девяти (обследовано же от истоков Усы и до ее устья около сорока) поселениях. Их общее число — 8050 голов. Однако, как это видно из приведенной здесь же таблицы, около 90 процентов поголовья приходилось на Петрунь и Колву. Из пятидесяти хозяйств в Колве имущими значатся лишь 24, во владении которых имелось 5240 оленей. Но основное поголовье находилось в руках семи-восьми хозяев. Стада местных богатеев насчитывали по 400, 500 и более оленей, тогда как остальная часть «имущих» имела всего по два-три десятка голов. На примере Колвы наиболее отчетливо прослеживается богатство одних и полунищенское состояние других. В добротных двухэтажных домах из шести-семи комнат проживали «хозяева», в домах-клетушках — те, кто вечно отрабатывал им «долг». Нет, не сладкой была жизнь колвинцев в богатой Колве. И большинство из них в душе были всецело на стороне новых преобразований. К сожалению, решительных мер в борьбе со старым в их действиях не было. И это было на руку богатеям. Кулак Д. В. Гоголев (в 1930 году был разоблачен как вредитель Советской власти и изолирован), первым открывший маслоделие на Печоре и имевший заводы не только в Колве, но и в Усть-Усе и Новик-Боже, братья Рокины (Александр, Дмитрий, Василий, Семен), Паш Макко (М. П. Манзадей), родные братья Паш Миш и Паш Павел, а также подстрекаемые ими Прокопий Едов (Бака Пронь), И. Е. Канев (Паш Епко Илья), Прокопий Зотов и многие другие затаили злобу на бедноту деревни, на активистов новой власти и прежде всего на Протасия Юсева (ненец).

Человек решительный, обладающий большой физической силой и смелостью, Юсев всегда открыто выступал против местного кулачества. На сходках, собираемых приезжающими уполномоченными Советской власти, он смело высказывал свое мнение в поддержку новых порядков. Не боялся говорить и о некоторых исполкомовцах, идущих на поводу у богатой прослойки.

Тяжелый 1918 год. На Печоре обостряется классовая борьба. Все чаще нападают кулаки на советских работников, расправляются с ними. В то же время соглашательский аппарат Печорского уездного Совета смотрел на кулацкий террор сквозь пальцы (особенно в первой половине 1918 года).

В 1919—1921 годах председателем исполкома в Колве

был Рокин Александр, который примиренчески относился к действиям и к вольностям богатых. Сам (как и братья его) потворствовал им, делал многое, чтобы сохранить старые порядки.

Проходил месяц за месяцем. Колва жила, волнуемая событиями и тревогами, связанными со злодеяниями белых, вылазками банд. На Усе был схвачен уполномоченный Ф. И. Репин, доставлен в Колву и расстрелян. Был убит Власий Виноградов, расстреляна активистка из Колвы Секлетея Чаева. Летом 1919 года сынки ижемских кулаков Рочевых (Нил Сем пиян и Гринька пиян) напали на бедняцкое оленеводческое хозяйство Николая и Федора Артеевых (Николай был революционным матросом в 1917—1918 годах), летовавших у одного из озер в бассейне реки Кары, и убили их. Их жен и четверых детей утопили в озере.

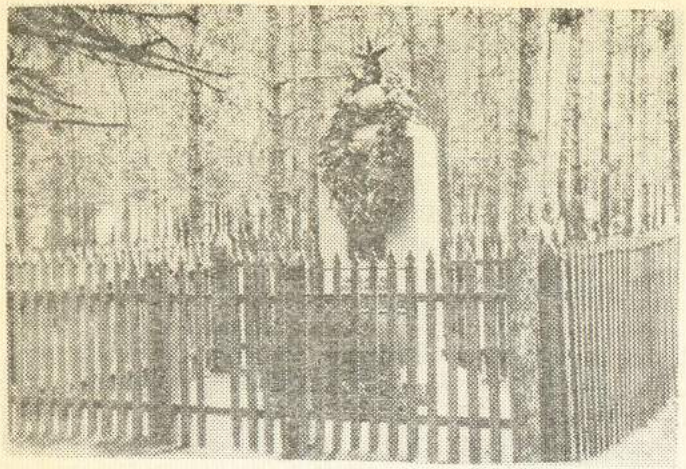
И хотя в марте 1920 года интервенты были окончательно изгнаны с севера, хотя в уезде окончательно и бесповоротно установилась власть Советов, недобитое белое офицерье, кулаки и их сынки, люто ненавидевшие новую власть, бежавшие в верховья Усы и на ее притоки, продолжали свое черное дело.

Ранней весной 1921 года (середина мая) в Колву с верховьев Усы нагрянула банда. Главарем был белогвардейский офицер, ижемец Рочев. Протасий Юсев, народный милиционер Григорий Рочев были схвачены и в пяти-шести километрах от села зверски замучены. В Колве были убиты еще двое. Арестована была и А. В. Архипова, активная помощница Протасия Юсева, первая советская учительница в Колве. Бандой был разграблен кооператив «Самоедин».

Газета «Красная Печора» 26 мая 1921 года, рассказывая о злодеяниях банды в Колве, отдавая дань уважения Юсеву, писала: «Спи, дорогой товарищ. Мы отомстим за тебя. Твоя кровь напоила землю, из которой вырастут молодые красные побеги — их никакие сорные травы не заглушат».

Прах героя и его товарища покоится в красивом сосновом бору в центре села. Над ними — двухметровый обелиск. Установлен он в год пятидесятилетия Советской власти как дань уважения от сегодняшних колвинцев.

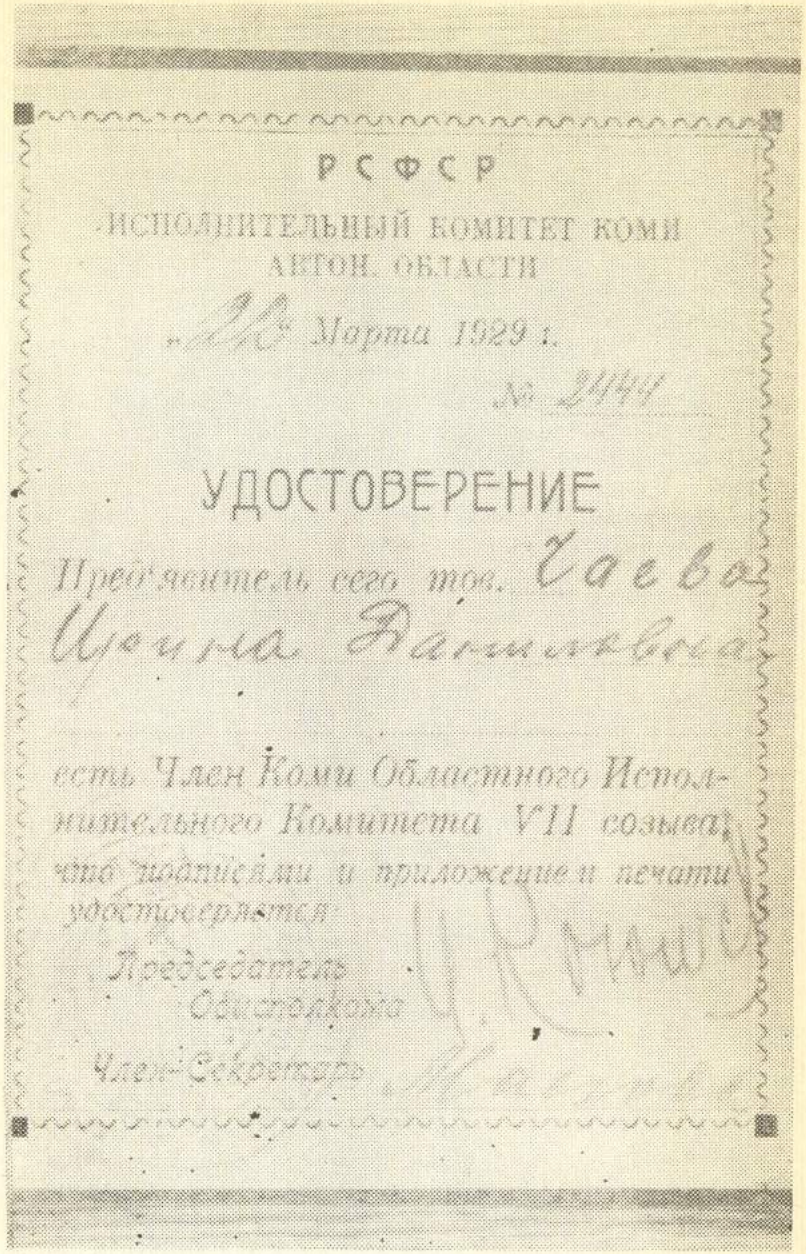
Простой люд села вскоре стал понимать, что успех новых начинаний, прочность новой власти — в их руках. В сентябре 1923 года в исполком волостного Совета были избраны: председателем Борис Бутаков, его заместителем Яков Офоньков, секретарем — Дмитрий Чаков. Помощником Чакову, как незнакомому с делопроизводством, был нанят за 30 рублей золотом на один месяц Архипов Сергей Николаевич. В исполком попали люди, которые активно выступали за укрепление новой власти. А те, от которых в какой-либо форме за первые годы Советов исходило зло, не только не были избраны, а и лишены были права выбирать. В Колве таких нашлось 13 человек, в том числе восемь — за участие в банде.



Памятник П. Юсеву и Г. Рочеву

Колва вступала в новую жизнь, которая оказывала заметное влияние на женщин села. В 1920 году здесь была создана партийная ячейка. Она состояла из трех членов, две из них были женщины — А. В. Архипова и У. А. Коскова. В числе первых активисток по праву можно назвать И. Д. Чаеву, А. Е. Зотову, Е. А. Пьянкову, Павлу Рокину. Они являлись ядром только что организованного Дома крестьянки, которым умело руководила Павла Андреевна Прокушева.

Женщины-активистки принимали участие в ликвидации неграмотности, помогали односельчанкам преодолевать пережитки старого уклада жизни. Приходилось нелегко. В ход шли кулаки мужей, кожаная бечевка (няртала). Косились родственники. Но ничто не могло запугать. Все больше женщин стало появляться в Доме крестьянки. Все активнее вели они общественную работу. В марте 1929 года Ирина Даниловна Чаева едет в Усть-Сысольск на сессию областного Совета. Здесь же она была избрана членом исполкома Коми областного Совета, о чем свидетельствует выданное ей удостоверение за подписью председателя облисполкома П. Коюшева. Более шестидесяти лет оставалась в рядах партии У. А. Коскоева. Ей одной из немногих в Усинском районе в 1981 году вручен знак «50 лет пребывания в КПСС».



РСФСР

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОМИ АВТОН. ОБЛАСТИ

«28» Марта 1929 г.

№ 2449

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего тов. Чаева Ирина Дмитриевна

есть Член Коми Областного Исполнительного Комитета VII созыва, что подписями и приложением печати удостоверяется

Председатель Облисполкома

Член-Секретарь

Фотокопия удостоверения члена Коми областного исполнительного комитета VII созыва И. Д. Чаевой

Здесь уместно назвать и первых комсомольцев села. В материалах партийного архива впервые Колвинская комсомольская ячейка упоминается 11 декабря 1921 года. Секретарем ячейки в тот год был Петр Юсев, родной брат Протасия Юсева, зверски убитого бандой Рочева. Первыми комсомольцами были также В. Косков, И. Чаев, И. Пьянков, Брянцева, А. Фирсов. В 1922 году секретарем ячейки была В. П. Брянцева.

КОЛВА НА ПОЛОТНАХ ХУДОЖНИКА

Интересным событием явился для жителей села приезд первого художника. Им оказался Ф. А. Модоров.

...Как-то листая свежий номер «Огонька», я обратил внимание на цветные иллюстрации художника Ф. Модорова. И прежде всего на картину «Приезд первого красноармейца на съезд Советов ненцев». На картине — двор деревенского дома, группа людей. Стоя на санях оленьей упряжки, выступает приехавший в родные края красноармеец.

Художник Ф. А. Модоров

Заинтересовало то, что над крыльцом дома была вывеска с надписью «Колвинский исполком». Из небольшой статьи становилось ясным, что автор картины был в наших краях еще в 20-е годы. Сразу возникли десятки вопросов. На них Ф. Модоров любезно ответил мне в письме от 22 марта 1966 года.

В 1925 году он с двумя местными провожатыми проплыл в лодке от Троицко-Печорска до пристани Куя (устье Печоры). В Колве пробыл десять дней. Работая с утра до вечера, Федор Александрович сделал множество портретных набросков. Ненцы группами приходили к художнику, с восторгом смотрели на его руки и появляющиеся рисунки.

Работая в исполкоме, он с натуры рисовал его работников... Председатель, заместитель и секретарь охотно позировали. «Ненецкий волисполком»— так назвал он свою

картину. Она относится к числу лучших работ художника, находится в Русском музее. Кроме этих двух, есть и многие другие картины: «1 мая в Колве», «Ненец», «Председатель кооператива «Самоедин» и так далее. Некоторые находятся в фондах Третьяковки и Музея революции. Многие из его работ числятся в каталогах как художественного, так и краеведческого музеев Коми республики.

Фотокопия с картины Ф. А. Модорова «Ненецкий волисполком»

Одна из его картин, «1 мая в Колве», была опубликована в январском номере журнала «Войвыв кодзув» за 1972 год.

Но на картинах Ф. А. Модорова прошлое не только Печорского края. Он проезжал и по Вычегде, писал портреты первых организаторов Советской власти в Коми крае. Многие из его картин в разные годы в составе передвижных выставок экспонировались в городах Российской Федерации, столицах ряда союзных республик.

Хотелось узнать о его деятельности больше. Но член-корреспондент Академии художеств СССР, народный художник РСФСР, профессор Ф. А. Модоров вскоре (в 1967 году) умер, и многие вопросы остались без ответа. Помогла вдова художника З. А. Модорова, с которой при помощи Союза художников РСФСР удалось установить переписку. Вот что она писала: «Ассоциация художников

революционной России (АХРР) готовилась к выставке «Жизнь и быт народов СССР», которая должна была состояться в 1925 году, и союз художников направлял своих членов во все края республики. Ф. А. Модоров выбрал Север России, поехал в Коми АССР и Ненецкий национальный округ.

Из этой поездки он привез много этюдов, портретов и композиций, которые потом экспонировались на выставке и были приобретены различными музеями страны...»

Из книги-каталога, изданной в 1965 году издательством «Искусство» по материалам последней прижизненной выставки художника, видно, что на тему жизни народов Коми АССР было создано 25 произведений живописи и графики. Больше половины из этого — из жизни Печорского края. В галерее этих работ особое место занимает тема «Колва и колвинцы»— семь картин.

В монографии «Ф. А. Модоров», вышедшей в издательстве «Советский художник» в 1968 году, о его произведениях тех лет читаем: «...Картины этого периода воссоздают характерные черты жизни и быта ранее отсталых и угнетаемых царизмом народностей России. Они убедительно доказывают то, что Советская власть пришла и на далекие окраины великой страны и завоевала доверие народа».

Работы художника ценны своей документальностью — они показывают жизнь людей в самых отдаленных уголках нашей Родины в первые годы Советской власти.

Многие картины из жизни народов Севера и сегодня занимают достойное место в экспозициях центральных музеев страны: «Летний праздник на Печоре», «Приезд первого красноармейца на съезд Советов ненцев» в Третьяковской галерее; «Ненец», «Е. А. Напалков. Первый представитель Советской власти в области Коми»— в Музее революции СССР; «Ненецкий волисполком. Колва»— в Государственном Русском музее.

Работы «Школьный учитель И. Юркин», «Река Колва», «Ижемка в праздничном наряде», «Председатель артели «Самоедин» в селе Колва И. М. Хатанзейский», «Заведующий школой села Колва Н. С. Карпов» находятся в краеведческом и художественном музеях Коми АССР.

В октябре 1965 года в Московской Академии художеств экспонировалась выставка произведений Ф. А. Модорова. Это был его творческий отчет. Отзывы посетителей, деятелей искусства и культуры — это целая книга благодарностей, дань уважения большому мастеру кисти.

Газета «Правда» 14 октября 1965 года в обзорной ста-

тье «Тропой народной» писала: «Выставка произведений Модорова — это своего рода художественная летопись нашей современности. Художник всегда находился в гуще народной, и его кисть запечатлела многие события и судьбы строителей новой жизни».

ВТОРАЯ В КРАЕ

Обширен Печорский край, объединяющий несколько районов, и на этой обширной площади в конце восемнадцатого столетия была лишь одна школа (село Ижма).

В церковных ведомостях Архангельской епархии выпуска 1895 года значится, что в течение столетия, с конца восемнадцатого до начала двадцатого века, в крае было открыто около десяти школ. Среди них в Колве — в 1845 году, в Красноборе — в 1862 году, в Троицко-Печорске — в 1863 году, в Усть-Цильме — в 1883 году, в Брыкалан-ске — в 1891 году, в Кожве — в 1893 году. Так царское правительство распространяло образование и культуру среди отдаленных народностей России. Основываясь на этих данных, можно сделать убедительный вывод: Колвинская школа явилась второй по очереди на весь Печорский край.

Обратимся еще раз к приведенному выше архивному материалу, на 385 странице которого прочтем: «Для обучения детей местного населения открыта церковно-приходская школа, содержащаяся на казенном счету. Годовой расход за 1894—1895 учебный год составил 112 рублей 31 копейку. Обучалось 20 мальчиков».

Как говорится, цели школы были ясны и в то время. Но на самом деле она из-за существующих устоев в системе просвещения не могла играть нужной роли среди слоев населения. Как правило, школу заканчивали 20—30 процентов обучающихся. В числе учащихся редко можно было встретить девочек, в школу отдавали только мальчиков, да и то далеко не всех. Из архивных материалов видно, что в 1899 году школу стали посещать первые две девочки. Но число их особенно не росло — иногда доходило до 4—5. За 1907—1908 учебный год в числе 18 учащихся девочек всего трое.

Любопытно, что школа на первых порах работала периодически, порой занятия прерывались на несколько лет. Курс обучения строился без программы, по усмотрению наставников — священника, дьячка, их жен. Но задача

школы была ясна и тогда. Она была сформулирована святейшим синодом при создании приходов: обучать ненецких детей церковному уставу, катехизису и священной истории. И хотя церковно-приходские школы среди коренного населения тундры свою работу с 1884 года строили согласно выработанной синодом программе, они продолжали носить миссионерский характер. Из отчетов епархиального училищного совета за 1909—1910 учебный год видно, что из 700 часов (учебный год длился 3—4 месяца) 247 отдавали закону божию, 365 часов — русскому языку. Церковный и русификаторский характер школы виден со всей ясностью.

Но неподготовленность учителей, бессистемность самой организации учебного процесса не давали возможности достичь желаемых результатов. Например, Архангельский училищный совет в отчете за 1893/94 учебный год о результатах обучения детей ненцев в Колвинской школе, по сравнению с другими выделяющейся лучшей постановкой обучения, докладывал синоду: «...в Колвинской школе (самоедского прихода) по-русски ученики ничего не понимают, хотя по книге и читают». Подобный отзыв о делах школы находим и у местного священника В. Невского, который в своем прошении на имя архангельского архиерея в 1912 году писал об учителях: «...Будучи лицами малопросвещенными, неподготовленными, кроме сего, алкоголиками, они обучение в школе вели так слабо, что ученики, проучившиеся пять и более лет, едва могли подписывать свое имя и фамилию, а о русской речи имели самое смутное представление».

Однако нельзя сказать, что первые полсотни и более лет своего существования школа не вносила никаких прогрессивных идей в сознание людей. Получая образование, пусть и малое, они расширяли свои представления о жизни, менялись и формировались их взгляды на окружающие порядки, на веками устоявшийся уклад жизни. Многие, получив грамоту, продолжали обучение в Ижме и даже в Архангельске. Уроженец Колвинской волости Г. В. Хатанзейский стал впоследствии революционером-большевиком и сыграл видную роль в организации Советов на Печоре. Его именем назван лесозавод (бывший «Стелла Поларе») и улица в городе Нарьян-Маре.

Еще в 1909 году с помощью исследователя Севера А. В. Журавского юноша-ненец из Колвы Ефим Манзадей оказался в Петербурге. После учебы и прохождения практики при Мариинской больнице успешно сдал экзамены и первым из ненцев стал специалистом-ветеринаром. Потом «оленьему доктору» (так его знали всюду) с личной печа-

2. Заказ № 6297

тью, на ободке которой значилось «Оспопрививатель Ефим Антонович Манзадей», пришлось изъездить и исходить Большеземельскую тундру вдоль и поперек. И везде ждали его помощи. Он не раз до и после учебы сопровождал в поездках по краю А. В. Журавского. Был председателем Колвинского ВИК, а на первом районном съезде Советов ненцев (1925 г.) избирается в состав только что организованного исполкома Совета Большеземельского района.

Е. А. Манзадей на шестом Коми областном съезде Советов, где он вместе с П. М. Ледковым представлял страну голубых песцов (Большеземельская тундра), был избран кандидатом в члены областного исполнительного комитета.

Грамотных же, если понимать под этим словом только умение читать и писать, в Колве было немало уже в конце девятнадцатого века. Судить об этом можно по церковным документам, где при оформлении актов и обрядов ставили в качестве свидетелей свои подписи многие ненцы, о которых там же говорится: «умеющий читать и писать». Но основная масса все же оставалась неграмотной.

В год столетия со дня образования села, в 1925 году, в журнале «Коми му» учительница Антонина Витальевна Архипова писала: «Население Колвы очень темное, не знает еще пользы науки и грамотности. Сама Колва, как самоедский центр, нуждается в энергичных культурных работниках, которые повели бы работу самоотверженно, не считаясь ни с трудностями, ни с лишениями». И в числе таких, приехавших в Колву в двадцатые годы, в первую очередь следует назвать Т. Т. Молодцову, П. А. Прокушеву, Н. С. Карпова, А. И. Козлову.

Вскоре колвинцы, особенно молодежь, начинают понимать, что знаний, полученных в четырехгодичной школе, мало. В 1925 году по рекомендации Ижемского уисполкома едет в Москву и становится студентом университета народов Востока Афанасий Лымин, а годом позже поступает туда же Максим Высоких. Местная молодежь, имеющая особую тягу к знаниям, направляется на учебу в центр страны. Многие из таких впоследствии служили делу преобразования своего края.

В 1928 году в адрес Ижмо-Печорского УИК, в копии в Самоедский РИК, из Усть-Сысольска за подписью тов. Елькина поступает телеграмма: «В распоряжение комитета Севера прибыли два студента на практику сроком год. Один из них Фирсов — уклон народное образование, второй — Зотов — уклон советское строительство...» В то же время проходили в уезде практику М. Н. Хатанзейский и

другие. Все они выходцы из Колвы. Азарий Разумникович Фирсов отдал впоследствии сорок пять лет своей жизни делу народного образования в школах Большеземельской тундры. Ф. П. Зотов отдал более десяти лет ветеринарной службе, погиб в Великую Отечественную войну.

Начиная с тридцатых годов коми и ненцев из Колвы можно было встретить во многих учебных заведениях страны. Такие, как Ефим Лабазов, Прокопий Лабазов, Федор Хатанзейский, Иван Пьянков, обучались в учебных заведениях страны и еще до войны работали на руководящих должностях в партийных и советских органах Нарьян-Мара, Архангельска и Сыктывкара.

Группа студентов-колвинцев Ленинградского института народов Севера: Е. Лабазов, Ф. Хатанзейский, А. Хатанзейский, П. Лабазов. (1935 год)

Коренным образом изменилась школа с приездом Анны Ивановны Козловой, которая двадцать три года (1929—1952 гг.) своей жизни отдала этому селу, ее жителям. А. И. Козлова — заслуженная учительница республики, награжденная орденом «Знак Почета» и медалями, жила после выхода на пенсию в Сыктывкаре. Теплым словом вспоминают колвинцы многих учителей, работавших по де-

Заслуженная учительница Коми АССР А. И. Козлова

сять и более лет в этом селе. Среди них О. Н. Босманова, М. П. Лобанова, М. И. Паничкина, Э. А. Семяшкина, М. Ф. Старцева. Здесь после окончания Сыктывкарского педучилища начинал свой трудовой путь И. Ф. Чупров, отличник высшей школы СССР, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой высшей математики Ухтинского индустриального института.

Большое влияние на культурное развитие как Колвы, так и ненцев всей Большеземельской тундры, на упрочение и становление Советской власти оказал первый районный съезд Советов.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ САМОЕДОВ

Съезд проходил в Колве с 17 по 19 декабря в 1925 году. Шел он с небольшими перерывами с утра до 20—21 часа. На съезде были рассмотрены вопросы:

1. Национальный вопрос СССР (докладчик М. А. Власов — член Ижемского укома РКПб и ЦИКа).

2. Результаты выборной кампании тундровых Советов (1925 г.) и задачи первого районного самоедского съезда Большеземельской тундры. С докладом выступил председатель Ижмо-Печорского уисполкома Е. И. Витязев.

3. Мероприятия Советского правительства по устройству жизни и быта северных племен и самоедов в частности, а также результаты обследования Большеземельской тундры. Докладчик — ученый секретарь Центрального комитета содействия народностям Северных окраин при ВЦИК Данил Тимофеевич Янович.

4. Доклады тундровых Советов о местных нуждах.

5. Установление места и времени созыва следующего, второго, районного самоедского съезда.

6. Установление места постоянного пребывания президиума самоедского районного исполкома.

7. Выборы районного самоедского исполкома и делегатов на 5-й уездный съезд Советов в Ижме к 28 декабря 1925 года.

Такова была повестка дня съезда.

На съезде присутствовали делегаты от всех тундровых Советов. А было их всего три, и созданы они были в результате выборной кампании в сентябре. Первый кочевой тунсовет был организован в Сявте, второй — в Хоседа-Харде, третий — в Каратайке (Лапта).

С большим интересом слушали на съезде доклад по национальному вопросу, положительно затрагивающий многие стороны жизни и быта ненцев. В знак полного одобрения национальной политики Советского государства в адрес ЦК РКП(б), в копиях в президиум ВЦИК и Северному комитету содействия при президиуме ВЦИК была послана телеграмма: «Первый районный съезд самоедов Большой Земли приветствует комитет, как представителя Советской власти, которая во всем мире одна лишь стоит на защите интересов трудящихся и способствует свободному развитию всех народностей. Мы, самоеды Большеземельской тундры, увнерены, что под эгидой РКП, при дружной совместной работе с соседским зырянским народом укрепим на Крайнем Севере завоевания революции и под руководством Советской власти наладим хозяйственную жизнь тундры».

С не меньшим вниманием был выслушан на съезде вопрос о результатах выборной кампании тундровых Советов и задачах первого самоедского съезда. Тов. Витязев, подробно останавливаясь на итогах выборов, о трудностях, которые встретились на пути проведения этого мероприятия, отмечает о культурной и экономической отсталости самоедов. С интересом было воспринято сообщение докладчика о большом количестве мероприятий, проектируемых и предпринимаемых Советским правительством в целях улучшения культуры и быта кочевых народов Большеземельской тундры.

Поднятые в докладе вопросы вызвали горячее, всестороннее обсуждение. Ненцы-кочевники П. М. Рокин и С. К. Лагей (последний хорошо знал коми язык, плохо — русский, а на съезде присутствовал не только как делегат, но и в качестве переводчика) говорили о необходимости иметь в Большеземельской тундре продовольственные базисные склады, отсутствие которых вынуждает кочевников часто уезжать в Пустозерск, в Обдорск (за Урал) и будет усложнять райсовету руководство тунсоветами.

Остро был поднят вопрос этими да и другими ораторами о трудностях тунсоветов в ведении делопроизводства. В тунсоветах не было ни одного грамотного человека, который бы со знанием вел техническую сторону деятельности

первых Советов. Выступающие просили уездную власть помочь им в этом вопросе.

Тов. Янович Д. Т. в своем выступлении по этому вопросу сообщает, что Северный комитет при президиуме ВЦИК уже решил вопрос об организации при географическом институте Ленинградского университета особого рабфака для северных туземцев, где обучение юношей северных племен будет вестись под наблюдением члена Северного комитета, известного этнографа, профессора В. Г. Богораза-Тана.

Делая отступление, следует заметить, что за принятием этого решения сразу же последовали практические шаги, что было видно даже на примере Колвы. В 1925—1927 годах в Ленинграде на обучении находились уже более десяти молодых людей из Большеземельской тундры. Только от Колвинского волостного исполнительного комитета на рабфак были направлены двое — Фирсов и Зотов (о них говорилось выше), а Лымин и Высоких, сыновья оседлых ненцев, были направлены в Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока.

О многом, что касается планов и политики Советской власти в отношении малых народностей, было сказано в докладе Д. Т. Яновича. Янович говорил о целях Северного комитета, остановился на дореволюционном законоположении самоедов, указав при этом на главный порок империалистического правительства — строгий запрет на просвещение туземцев и полное пренебрежение к особенностям их национального быта, к правам на принадлежащую им территорию. Докладчик сообщает о целом ряде декретов Советского правительства, касающихся жизни и развития жителей тундры. Среди них: «О понижении акциза за соль, потребляемую в Северной зоне», «О снятии налогового бремени самоедов-оленеводов», «О регулировании снабжения в тундре», «О судоустройстве», «Об охране оленеводства в тундрах Большой Земли и борьбе с бичом хозяйства — сибирской язвой». Большой раздел в докладе тов. Яновича был отведен образованию ненцев, организации школ, системе преподавания и многим другим вопросам.

Делегаты Ледков-Пагандзеда, Лагей, понимающие русский язык и радостно-возбужденные от услышанного, то и дело вскакивали с места и выкрикивали: «Правда говорит... Верно... Верно... Так все... так-так, так и надо...»

Председатели тунсоветов тт. Лагей, Ледков-Пагандзеда, Рокин, докладывая съезду о местных нуждах, еще раз заострили внимание на необходимости учебы детей тундры, предлагали места, где организовать эти школы. С. В.

Ледков-Пагандзеда, например, обратился к съезду с такими словами: «Учить детей надо, но так, чтобы они не забыли оленеводства и не забыли родного языка, как в Колве, где все самоеды не говорят на самоедском. Нужно, чтобы школа была в тундре. Тогда мы сможем за оленями смотреть и за своими детьми». Съезд в своем решении называет пункты, где будут устроены первые школы.

Бурным и принципиальным было обсуждение создания культурной базы — места, откуда бы велась вся культурно-массовая работа среди самоедов, откуда осуществлялась бы и медицинская помощь. Высказывались два мнения. Одно — создать такую базу в Хоседа-Харде, другое — в Колве. Оседлые самоеды, да и некоторые представители уезда (с целью улучшить связь и руководство) высказывались в пользу последнего, что вызвало принципиальный спор. С. К. Лагей, например, в резкой форме высказывает следующее: «Культурную базу, если создавать, то надо создать в Хоседа-Харде и никак не в Колве, куда никому из кочевников не удобно ездить — 300—500 верст. Если кто захочет в Колву, то мы, вындеры (постоянные жители тундры — Т. С.), уезжаем со съезда. Нам уже никакая Колва не нужна». Как видно из материалов съезда, его поддерживают Рокин, Ледков-Пагандзеда, Пырерка, Хенерин, Хатанзей, Вонгуев. Оседлые самоеды из Колвы, не понимающие своего, самоедского, языка, не высказываются.

Делегаты решили вопрос и о проведении второго районного съезда ненцев. Местом был определен Хоседа-Хард. Съезд решает центр самоедского районного исполкома временно оставить в Колве, с последующим перенесением его также в Хоседа-Хард.

По всем обсуждаемым вопросам съезд принимает резолюции.

Председателем районного ненецкого исполкома съезд избирает Рокина Павла, членом исполкома — Степана Лагея, кандидатом в члены — Манзадея Ефима. Место секретаря из-за неимения грамотного и пригодного для этой работы человека остается свободным.

Делегатами на V съезд Советов Ижмо-Печорского уезда были избраны два кочевых ненца — С. К. Лагей и С. В. Ледков.

* * *

Съезд, проходивший в Колве, его постановления явились важной вехой в жизни ненцев Большеземельской

тундры. Он явился как бы началом официальной общественной работы представителей самоедского народа, привлекаемого к делу советского строительства на основе полного равноправия со всеми другими народами.

Колва же, хотя центр самоедского района впоследствии стал в Хоседа-Харде, свое значение в жизни кочующих ненцев, влияние на них не теряла и в последующие годы. Колва являлась проходом для многочисленных оленьих стад ненцев к месту зимовья и обратно до конца сороковых годов. Через Колву росла и укреплялась экономическая и культурная связь жителей тундры с населением Колвы, всего Приусья. Через Колвинский кооператив «Самоедин» многие кочующие самоеды взамен пушнины снабжались продуктами, одеждой, орудием охоты и лова рыбы. В Колве была создана и первая комсомольская организация среди ненцев. Об этом позволяют судить материалы архива Областного комитета партии, где Колвинская комсомольская ячейка впервые упоминается 11 декабря 1921 года. Есть и список комсомольцев: Петр Юсев (секретарь), В. Косков, И. Чаев, Пьянков, Брянцева, А. Фирсов — члены. Уже в 1927 году были организованы еще две ячейки — в Хоседа-Харде и Хорей-воре.

Колва до начала пятидесятых годов служила как бы перевалочным местом в деле снабжения жителей Большеземельской тундры. Здесь была большая база, где хранились и сосредотачивались основные грузы для кочующих ненцев, откуда весной при большой воде доставлялись они в верховья Колвы и Адзьвы на каюках, на пароходах. Словом, колвинцы осуществляли постоянную и нужную связь с местами своих предков. Родственные ветви колвинцев можно найти в Хоседа-Харде, Хорей-воре, Нарьян-Маре и во многих других населенных пунктах Ненецкого округа и сегодня.

Много лет прошло с тех пор. В истории Колвы, так же как и любого уголка страны, просматривается история становления нашего государства, его экономический и культурный рост. Борьба за новое, культурная революция, коллективизация сельского хозяйства, суровые годы войны, первые послевоенные пятилетки — это история всей страны, каждого города, села, поселка, каждого хозяйства. Это история и маленькой Колвы.

До недавнего времени в Колве находился центр одного из отделений совхоза «Усть-Усинский». В 1984 году хозяйство перешло в состав совхоза «Новоусинский».

Животноводы Колвы как при колхозной жизни, так и после, когда в 1959 году хозяйство колхоза «Выль туй» вошло в состав совхоза «Усть-Усинский», отличались самыми высокими в районе результатами. В шестидесятые годы ферма не раз занимала призовые места в социалистическом соревновании животноводческих ферм совхозов Министерства сельского хозяйства Коми республики. Здесь выросли настоящие мастера своего дела. Доярки Д. Л. Хатанзейская и О. Я. Патракова первыми в районе (нынешний Усинский) перешагнули трехтысячный рубеж в надоях от коровы. За высокие успехи в труде Дарья Лукична Хатанзейская награждена орденом Трудового Красного Знамени. Трижды была участницей ВДНХ СССР, награждена двумя серебряными и бронзовой медалями выставки О. Я. Патракова. Орденом «Знак Почета» награждена Л. П. Носова, которая в шестидесятые-семидесятые годы была одной из лучших телятниц в районе. Т. И. Филиппов и Н. В. Косков были удостоены почетного звания «Лучший пастух Коми АССР».

Многих фамилий (Сядей, Вонокан, Валей, Лагей, Чаков, Таганов, Едов, Янгасов, Выучейский, Ламбей, Лымин), что носили в Колве в прошлом, сейчас нет. Но Косковы, Пьянковы, Зотовы, Манзадей, Хатанзей, Падровы, Хенерины — люди с ненецкими фамилиями — живут и трудятся в Колве и сегодня. Как и отцы и деды, частенько шутя, они называют себя: «Мы из Яран-града». Но в этом и истина, передающаяся из поколения в поколение. Элемент «яран» (ненец) — это бесспорно, а град (город) в какой-то мере тоже оправдан. Ведь если взять конец 20-х годов, то в Колве проживало более 700 человек. Дома в большинстве своем были двухэтажными, добротными, обшитыми и покрашенными. Колва была, пожалуй, самым крупным селом на Печоре.

...Богата оказалась на поверку Колвинская земля. В начале 60-х годов в четырех километрах от села поднялись первые постройки нового поселка — поселка геологов и буровиков.

В начале 1978 года поселок Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР переименован в поселок Парму, назван центром Пармского поселкового Совета. Более пятнадцати лет председателем его исполкома работала заслуженный работник народного хозяйства Коми АССР А. М. Босова.

В семидесятые годы на берегу Колвы возникли новые поселки Приполярный, Верхнеколвинск, Полярный, Возей.

Настоящим памятником героическому труду советских людей является Усинск, который в 1975 году стал центром нового — Усинского — района. А в июле 1984 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ему присвоен статус города республиканского (АССР) подчинения. Бело-

каменные кварталы жилых домов, новые микрорайоны девятиэтажек, школьные городки-комплексы, просторные магазины и здания службы быта, сданный в 1985 году прекрасный Дворец культуры и техники уже сегодня позволяют сказать: Усинск — один из красивейших городов республики Коми. Еще более красивым и благоустроенным будет его завтрашний день.

Первый заместитель председателя Верховного Совета Коми ССР А. Г. Рогов, будучи еще первым секретарем Усинского горкома КПСС, рассказывал:

«Усинск назван базовым городом в освоении месторождений Севера. И естественно то повышенное внимание к его развитию. Взять хотя бы жилищное строительство. Если на начало 1986 года город имел 432 тысячи кв. метров благоустроенного жилья, то к концу девяностого года эта цифра почти удвоится. Полностью завершится архитектурная застройка микрорайонов 4, «Б», 2-а. Будет начато строительство пятого и шестого микрорайонов. Все дома улучшенной серии высотой этажа в три метра. В планах застройки предпочтение дается девятиэтажным домам, доля которых будет составлять около восьмидесяти процентов.

Успешно выполнять планы жилищного строительства поможет домостроительный комбинат, который введен в 1987 году. Он рассчитан на выпуск 100 тысяч квадратных метров жилья в год. С его вводом отпала необходимость завоза железобетонных изделий из Сыктывкара.

Решительные перемены произойдут и в развитии здравоохранения, культуры, службы торговли и коммунального хозяйства, условий отдыха трудящихся.

За годы двенадцатой пятилетки в городе появились двухзальный кинотеатр, больничный комплекс на 300 коек, близится день ввода хлебозавода с кондитерским цехом и плавательного бассейна, строится поликлиника на 850 посещений.

Методом народной стройки строится стадион. Город получит еще три школы. Коренным образом изменится и материальная база дошкольных учреждений. За двенадцатую пятилетку построено десять детских садов на 3200 мест. Если дошкольными учреждениями было охвачено лишь в пределах пяти тысяч малышей, то с вводом новых детсадов их число почти удвоилось.

Рядом с Дворцом культуры и техники и плавательным бассейном раскинется городской парк...»

Растет и развивается город на Усе. А вместе с ним молодеет и старая Колва. С переходом хозяйства в состав совхоза «Новоусинский» она вся в новостройках. Только за

1984—1985 годы построены пять двухквартирных домов, пилорама, теплый гараж на десять машин, телятник, котельная, водонапорная башня. К хозяйственным объектам и новому жилому сектору подведены инженерные тепловые и водопроводные сети. Колву с поселком первопроходцев Парма связала асфальтированная дорога. Большие перемены в жизни села произошли и за годы двенадцатой пятилетки.

Первый директор нового совхоза А. А. Анкундинов рассказывал: «За пять лет в Колве будет возведено тридцать два двухквартирных дома, запланировано строительство детского сада на 90 мест, здания школы, коровника на 200 голов, других хозяйственных объектов...

В короткие сроки был построен нефтепровод Усинск — Ухта. Из недр колвинской земли только за первые полгода после его ввода (1975 г.) стране было отправлено 1,9 млн. тонн нефти.

По берегам Колвы, по таежным болотам и лесотундре нефтепровод от Усинска прокладывался дальше и за какие-то год-полтора достиг Возея. Добыча нефти росла с каждым годом. Уже в 1980 году она достигла 18 млн тонн. Цифры внушительные. В 1909 году, например, на всей территории России добывалось всего девять миллионов тонн. А в начале августа 1984 года жители города на Усе отметили крупное событие — добычу стомиллионной тонны нефти с начала разработки месторождений.

В 1982 году вошла в строй действующих железная дорога Сыня — Усинск. В мае у порога старой Колвы гудок тепловоза возвестил о прибытии первого пассажирского поезда Печора — Усинск.

На новостройках Усинска, на освоении богатств края трудятся и многие колвинцы, внуки и правнуки оленеводов, охотников и рыбаков. Один из них — мастер Усинского треста буровых работ В. И. Патраков, награжденный в 1986 году орденом Дружбы народов.

Усинск — это город-плацдарм. Отсюда сегодня ведется наступление на Баган, Харьягу, на Макариху, на другие площади. Город-база для продвижения на Север.

Усинск — это будущее края. Это и будущее Колвы.

«КРАСНАЯ ПОПАДЬЯ»

Ранняя в тот год выдалась весна. Была первая декада мая, а разлившаяся во все стороны Уса уже несла послед-

ние льдины. Очистилась от льда и Колва. Это была четвертая весна Советской власти.

Колва... Единственное на средней Печоре ненецкое село жило тревожной жизнью. Вылазки местных богачей, люто ненавидевших новую власть, каждый раз угрожали расправой работникам местного Совета, его активистам, многим жителям села. В верховьях же Усы орудовали остатки белогвардейских банд. Все это подбадривало кулаков.

...Теплый весенний вечер. Кое-где раздавался стук топоров, тянуло запахом смолы. Блестели под лучами вечерней зари купола церкви, покачивались стоящие рядом вековечные сосны.

Но на душе у Антонины Витальевны было тревожно. Два дня назад родившая ребенка, еще не окрепшая, лежала она в одном из покоев поповского дома. «Видно, затевает что-то кулачье против нас. Ведь не без оснований грозился Паш Макко Юсеву расправой на последнем сельском сходе,— думала Антонина Витальевна.— Поберег бы он себя. Уж больно смело выступает против богатых. Хитрости бы побольше ему». Беспокоилась она за Протасия.

И вдруг выстрелы. Сначала один. Потом все чаще. Не успела встать и подойти к окну, как в комнату с винтовками наперевес ворвались бандиты.

— Пошевеливайся! Пришел и твой час! Хватит мутить воду своими речами,— закричали они. Почти раздетую стащили с койки и вывели на улицу. Громкий плач оставшегося в пустой комнате ребенка остро кольнул материнское сердце. Но слезы сдержала.

Вся деревня насторожилась. Чаще обычного скрипели двери, то и дело щелкали задвижки, меж домов сновали вооруженные люди.

«Неужели не успел скрыться, неужели попался он бандитам?»— эта мысль терзала Антонину Витальевну, шагающую в окружении бандитов к центру деревни.

То, что увидела она в следующую минуту, больно резануло по сердцу, заставило его сжаться: в толпе вооруженных людей возле здания Совета стоял Протасий Юсев, окровавленный и избитый. Но держался молодцом. Широкоплечий и сильный, он зло смотрел на своих истязателей.

— Ага! Привели красную учительницу! Сейчас мы поговорим с ней,— с злорадством встретил Антонину Витальевну главарь банды Исак Меркуш (М. И. Рочев — белый офицер) и огрел ее нагайкой.

А затем удары посыпались один за другим. Били со звериной лютостью, а она стояла, обливаясь кровью, и успокаивала прибежавших вслед за ней дочерей — десятилетнюю Нину и девятилетнюю Симу. Били до тех пор, пока не потеряла сознание. И когда уже лежала, распластанная на земле, тоже били. Бандиты «угостили» нагайками и детей.

Истязать работников Советской власти усердно старались братья главаря Исак Миш и Исак Як. Торжествовали и местные богачи во главе с Гоголевым и Михайловым Нафанаилом, дружно помогавшие в зверствах.

— Уберите ее. Со своими щенками далеко не убежит, если жива останется. Тогда она за свои красные порядки ответит сполна,— сказал Исак Меркуш своим головорезам, хотевшим тут же прикончить «красную попадью».

...Высокообразованная в то время женщина, она увлекалась марксистской литературой. О свержении царя, а потом и об Октябрьской революции, благодаря родным и товарищам, жившим в Москве и в других местах центра, Антонина Витальевна узнала первой. Узнала и восприняла всем сердцем. По существу, она и явилась в далеком северном селе первым проводником новых преобразований, она первая своими выступлениями и беседами среди местных жителей доносила правду о новой власти.

Став здесь первой советской учительницей, крупинка за крупинкой вносила в сердца детей семена правды о революции, о Советах, о свободе и мире. Осенью 1919 года в Колве окончательно устанавливается Советская власть, и учительница Антонина Витальевна с этого момента становится также и секретарем Совета.

...Очнувшись от побоев, Антонина Витальевна не поверила, что жива, что возле широкой деревянной кровати стоят ее как-то сразу повзрослевшие дети, что в другой комнате слышится плач ее малютки, которую и назвать-то еще не успела.

— А что с остальными?— был ее первый вопрос.

А было вот что. Белый отряд, местное кулачество, захватив местных «смутьянов», как они называли работников Совета, его активистов, устроили черную месть. Первой жертвой стала Секлетея Марковна Чаева. Ее, беременную женщину, избивали, окунали в холодную воду, а потом расстреляли. Секлетея активно помогала Совету — вот что не устраивало головорезов. Над Юсевым Протасием, председателем комитета бедноты, одним из первых коммунистов села, и народным милиционером Георгием Рочевым на виду всего села белые все же не решились учинить расправу и в ту же ночь увели их с собой. Позднее их тела нашли на левой стороне Усы. Героев, отдав-

ших свою жизнь за народ, односельчане еле узнали, так они были изувечены бандитами.

21 мая на пароходе в Колву прибыл красноармейский отряд. Но белых уже не было — убрались заранее. Попряталось на время и местное кулачество.

Получилось так, что в Совет пробрались такие люди (братья Рокины, Гоголевы), которые тормозили любое новое дело, всячески оскорбляли и порочили Антонину Витальевну в глазах местного населения. В таких условиях ей все труднее становилось работать. Тщетно было надеяться на какую-то моральную поддержку со стороны мужа — местного попа. И в 1924 году Антонина Витальевна Архипова с детьми уезжает из Колвы. Но она не забывала ее. В журнале «Коми му» за 1925 год — год столетия этого населенного пункта — была помещена ее статья, где рассказывалось об истории села, об укладе жизни его населения. «Колва нуждается в энергичных культурных работниках, которые вели бы свою работу самоотверженно, не считаясь ни с какими трудностями и лишениями»,— так заканчивалась эта статья.

Как сложилась дальнейшая жизнь этой женщины, мне долго не было известно. Не знали об этом и старожилы Колвы. Попытки узнать что-либо не давали результатов. Помог случай. И вот в руках адрес ее старшей дочери.

С большим волнением распечатывал я конверт из Ленинграда от Любови Николаевны Губинской. Держу в руках старый фотоснимок ее матери. Строгое волевое лицо старой женщины. «Ей 69»— пояснено на обратной стороне. Так вот она какая! Десять лет после Колвы Антонина Витальевна работала в школах Печорского и Ижмо-Печорского уездов.

Первая советская учительница в Колве А. В. Архипова

В 1934 году по рекомендации партийных органов она переезжает в Канино-Тиманский район Архангельской области. Назначают ее в Верхнюю Пешу заведующей школой. Ей уже в это время было пятьдесят четыре года. Работая здесь, она еще раз показала свою незаурядную натуру, талант учителя, руководителя и организатора. Все свои помыслы и душу отдавала людям.

Здесь она создает замечательный хор колхозниц и руководит им. Ее хор скоро становится известным по всей области. Выступает в Нарьян-Маре, Архангельске и других местах. Ей шлют письма, благодарят, поздравляют.

В 1936 году областная газета в статье «Колхозный хор Пеши» писала: «Часами она суетилась около хора — энергичная и веселая — выбирала запевал, подмечала недочеты, пускалась в пляс вместе со своими питомцами... Да не подумает читатель, что это молодая девушка, двадцатилетняя комсомолка. Антонине Витальевне 57 лет. Она душа хора, его заботливый воспитатель».

Об эрудированности этой женщины, ее изумительной энергии рассказывают многие пожелтевшие от времени документы, письма. «...Изумлен той огромной общественной работой, которую вы до сих пор, несмотря на свой возраст, все еще ведете. Хор, драмкружок, еще один хор (школьный хор — Т. С.), кружок воинствующих безбожников, собирание народных песен и сказок — такой объем работы даже молодому человеку не по силам»,— пишет в 1941 году консультант Всесоюзного дома народного творчества им. Крупской Н. Леонтьев.

И только в 1949 году, проработав в этой школе 15 лет, оставляет она педагогическую деятельность. Здесь пришло признание и слава. В январе 1945 года Антонина Витальевна награждается орденом Трудового Красного Знамени. А через год ей вручают медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

А. В. Архипова до конца своих дней (умерла в 1956 году) оставалась настоящим коммунистом, обладала редкой жаждой жизни.

«До последних дней мама вела общественную работу, была председателем родительского комитета при домоуправлении, агитатором, занималась в кружке по изучению истории партии, знакомилась с историческими достопримечательностями Ленинграда, посещала театры»,— пишет ее дочь Любовь Николаевна, также всю жизнь проработавшая преподавателем, награжденная орденом Ленина.

...Широка в половодье Колва, плавно и уверенно несущая свои воды, поившая и взрастившая не одно поколение села. Широки и помыслы и планы сегодняшних колвинцев. Что они будут претворены в жизнь, подтверждает их повседневный труд. Труд, за свободу которого погибли у истоков Советской власти герои-односельчане. Труд, который все более преображает старую землю колвинцев, землю, окропленную и кровью Антонины Витальевны Архиповой.

В БОРЬБЕ ЗА СЧАСТЬЕ НАРОДА

Почти малышкой судьба увозила Григория Хатанзейского навстречу неизвестному. Холодно и тоскливо было на улице, а пароход, на палубе которого примостился он с родителями, уносил их все дальше и дальше вниз по большой реке. Все было интересно мальчику: и река, ширине которой как будто не было конца, и хлюпанье колес, и команды, каждый раз подаваемые капитаном в какую-то железную трубку. «Средний», «тихий», «назад», «самый тихий»— слышал Гриша при остановках. «Ох, как бы заглянуть мне в эту трубу! И как только эти деревянные колеса могут понимать человека, делать так, как он велит»,— блуждали в удивлении мысли мальчика.

Но больше всех нравился кочегар, то и дело появляющийся на средней палубе снизу. Большой, здоровый, обнаженный до пояса, он словно собирался выйти в круг для борьбы, что часто бывало на празднествах оленеводов в далекой тундре. Вот он-то в минуты передышки рассказывал некоторые премудрости своей профессии и, вообще, что к чему.

— Ма, а мам, неужели мы больше в Колву так и не вернемся никогда?

— Все может быть, сынок. Может, и побываешь когда. Вот станешь совсем большим, соберем деньжонок, купим олешек. От них пойдут другие, и будет небольшое стадо. А будут свои олени — всегда будет и упряжка. Хорошей же упряжке расстояния не страшны...

— Мам, а тундра-то большая,— не унимался мальчик.

— Об этом нам не дано знать, сынок. Старый шаман, живущий недалеко от нашего чума, и то не знал. «Край большой, гладкой земли один бог видел и ведает»,— говаривал он, когда речь заходила среди старцев-оленеводов о безбрежностях тундры.

Все дальше и дальше оставалась Колва. Друзья из местной голытьбы, родной чум, который стоял на красивом месте верхней части деревни — все было позади.

А ненец Васька (Яран Вась), отец Гришки, лежал на штабелях дров и помалкивал на всем протяжении пути. Лежит, присядет тут же, вынет из кармана небольшую табакерку, сделанную и разукрашенную всевозможными узорами из бересты, накладет в нос табаку побольше и опять лежит. Видно, нелегко было покидать свои края обедневшему оленеводу...

Усть-Цильма встретила отчужденным равнодушием. С каким-то холодком смотрели многочисленные окна

двухэтажных домов. Зачем вы здесь? Ведь вашего брата везде хватает,— словно говорили они.

Но удача иногда и бедняку навстречу бежит. В конце деревни, на самом берегу Печоры нашли полуразвалившуюся избу, где и приютились. Зажили вроде бы какой-то новой жизнью, новыми планами на лучшее будущее.

С ранних лет Григорию Хатанзейскому пришлось гнуть спину, перегружать свои неокрепшие мышцы на заработках у местного кулака. Приходилось работать сутками, а оплаты — никакой. Только и перебивался на остатках с господского стола. Все это до крайности возмущало смышленого юношу. Вопросы «почему это так?» и «как быть дальше?» часто волнуют его.

В этот период жизни юноша-ненец встречается с революционно настроенными С. Тирановым, Ф. Тирановым, Т. Синцовым, которые дружили с политссыльными, и сближается с ними. Политические воззрения этих товарищей, разговоры и беседы с ними оказали на него большое влияние. Он стал понимать, что против гнета надо бороться, что будущее народа в его руках. И счастье всего народа несравнимо ни с каким личным благополучием, в поисках которого с утра до вечера он, его родители и сотни таких же трудятся у кулаков в поте лица.

Именно в эти годы Григорий Хатанзейский уезжает в Архангельск, где благодаря связям усть-цилемских политссыльных ему удается поступить в фельдшерскую школу. Точное же время пребывания его в этой школе пока остается неизвестным, так как архивные материалы школы имеются лишь до 1899 года. Скорее всего это было в 1905—1908 годах. Что это так, видно из следующего.

В фонде архангельского губернатора найден рапорт Печорского уездного исправника от 12 сентября 1907 года, где в числе прочего говорится: «6 сентября в 10 часов утра возвращающиеся с поля в Усть-Цильму крестьянин этого села Филипп Васильевич Тиранов, 24 лет, бывший фельдшерский ученик самоедин Григорий Хатанзейский, 20 лет, политссыльные Иван Тимофеевич Нарышкин, 20 лет, Павел Михайлович Филаженков, 20 лет, пели песни, в которых позволили оскорбить особу государя императора и членов семьи, а также «Вставай, поднимайся, рабочий народ».

Этот документ, хоть и косвенно, но полностью подтверждает связь Григория Васильевича с политссыльными и то, что он действительно учился на фельдшера. Но сколько он учился, окончил ли школу — неизвестно. Многие историки говорят об этом по-разному. Хотя в большинстве своем авторы сходятся на том, что Григорий Ха-

3. Заказ № 6297

танзейский, как один из инициаторов студенческих волнений против существующего строя, был из школы исключен. Об этом говорит и тот факт, что Г. В. Хатанзейский никогда фельдшером не работал.

Вернувшись в Усть-Цильму, он снова батрачит у кулаков, но связи с политссыльными не теряет. Именно у них проходил школу будущего революционера, активного борца за дело народа. А в начале десятых годов идет работать на завод «Стелла Поларе».

И впервые Григорий Хатанзейский оказывается в настоящем рабочем коллективе. Именно здесь он испытывает впервые чувство товарищества. В этот период, точнее, в 1911 году политическими ссыльными С. Калмыковым, М. Боевым, И. Тепляковым, М. Бельтюковым был создан социал-демократический кружок. Вскоре к ним присоединился и Г. В. Хатанзейский.

И всегда, где бы он ни был потом, умело и смело нес большевистское слово в гущу ненецкого народа, сыном которого был.

Будучи призванным в 1914 году в армию, он не прекращает революционной работы. Солдатам, отправляющимся на фронт, он смело рассказывает об антинародной сущности войны.

На родину Григорий Васильевич возвращается вскоре после февральской революции, и с этого момента его деятельность революционера, готового отдать все за дело народа, засверкала новыми гранями.

Рабочие лесозавода сразу выбирают его председателем местного заводского комитета. А в апреле 1917 года по его инициативе проходит митинг, где рабочие единогласно принимают решение потребовать от правления завода «Стелла Поларе» восьмичасовой рабочий день.

Петиция в тот же день была вручена по адресу. Но руководство завода отказалось удовлетворить требования рабочих. Тогда лесопильщики, опять же по инициативе Г. В. Хатанзейского, объявили забастовку, длившуюся пять дней. В результате решительных мер, единства действий всех лесопильщиков была одержана полная победа.

В ноябре 1918 года, выполняя срочное задание, на пути в Усть-Цильму Г. Хатанзейский был тяжело ранен белогвардейцами и взят в плен. Пошли допросы и истязания. Не добившись ничего, его отправляют в Архангельск, а оттуда в январе 1919 года на остров Мудьюг. В мае 1919 года его вновь привозят в губернскую тюрьму «для следствия и суда». Так сказано в архивных документах тех лет. Но не сломило пятимесячное пребывание на острове смерти крепкую натуру революционера. Не добившись ничего и на этот раз, его, избитого, снова привозят на остров, в концлагерь смерти.

Дни проходят за днями. Грязные, сырые бараки за колючей проволокой, почти голый плоский остров, свинцовая гладь Беломорья да похлебка, выдаваемая единственный раз в сутки,— вот и все, что было дано узникам этого лагеря. Да еще стоны истязаемых людей, да окрики часовых, раздававшиеся по поводу и без повода.

15 сентября группа политзаключенных в 50—60 человек, возглавляемая Петром Петровичем Стрелковым, в составе которой был и Григорий Хатанзейский, совершила дерзкий по замыслу побег. Кому вплавь, а кому на баркасах, стоящих в отдалении на берегу острова, удалось переплыть пролив. Лишь тридцать два человека собрались вокруг П. Стрелкова на противоположном берегу. Одни пали еще на месте стычки, другие не смогли преодолеть пролив.

Одним из последних Григорий Хатанзейский успевает броситься в сентябрьский холод вод Белого моря. Держась за попавшее под руку бревно, в одежде, еще не окрепший от недавних истязаний интервентов, он плывет все дальше и дальше, а над головой свист пуль, на свинцовой глади вод фонтанчики — пляска смерти.

А вот и густые заросли противоположного берега.

Днем и ночью, без отдыха и настоящей еды в течение многих суток Григорий Васильевич с небольшой группой вырвавшихся на волю политзаключенных пробирается навстречу частям Красной Армии, действовавшим на Пинежском направлении. Здесь, во время одной из стычек с белогвардейцами, он погиб.

Память о верном сыне ненецкого народа, одном из виднейших коммунистов Припечорья, продолжает жить в сердцах северян. Его именем назван завод (бывший «Стелла Поларе»), одна из улиц Нарьян-Мара и передовой оленеводческий колхоз в Ненецком округе. А в Усть-Цильме есть переулок имени Г. В. Хатанзейского.

НЕНЕЦ ИЗ КОЛВЫ

Об Афанасии Лымине не раз приходилось слышать и раньше. Из архивных документов, из рассказов ветеранов партии, старожилов Колвы. Знал о нем почти все. Во всяком случае, так мне казалось. Встретиться же все как-то не удавалось.

И естественно то волнение, которое я испытывал, стоя

на лестничной площадке высотного дома в центре Москвы. На звонок двери открыл небольшого роста, с копной седых волос, довольно бодрый в движениях мужчина. Невольно подумалось: неужели ему за восемьдесят?

Пригласив в комнаты, поинтересовался: «Как там живут мои земляки?» Доброжелательная улыбка, домашняя теплота в голосе, с какой был задан вопрос, как-то сразу расположили к беседе. Беседе, которую я ждал и которая вначале приняла неожиданный поворот: я тут же оказался в роли рассказчика. «Растет ли Печора? Что за новый город у Колвы?.. По каким местам проходит дорога железная на Усинск?.. Слышал, что и по Колве выросли поселки. Так ли это?»— казалось, конца не будет вопросам. Все интересовало хозяина. Но, видимо, вспомнив о цели моего приезда (у нас был предварительный разговор по телефону), речь повел о времени, от которого отделяют нас пять-шесть десятков лет.

Пошли воспоминания о друзьях-земляках. О тех, с кем уходил из Колвы за большими знаниями. С кем потом укреплял Советы на Севере, делал культурную революцию, проводил коллективизацию. Все о ком-то. О каждом душевно и тепло. «Светлая голова. Раскрыть текущий момент, пожалуй, никто из нас так не мог, как он. Подкован был — будь здоров». Это о Е. Лабазове, работавшем в тридцатых годах директором совпартшколы в Нарьян-Маре. «Федя? Первый правовик из Колвы». Наркомом юстиции Коми был. А без отца-матери рос». (О Федоре Хатанзейском.) «Настоящий был вожак. Казалось, за десятерых успевал». Это об Иване Пьянкове, первом секретаре Ненецкого окружкома комсомола в предвоенные годы. Тоже уроженце Колвы.

— А что о себе рассказать? Тут вот бумаги кое-какие, может, они помогут вместо меня. Полистай, а я чай тем временем поставлю. В Колве-то, наверное, не один раз на дню пьют,— ответил на просьбу Афанасий Иосифович и положил на стол папки с архивом.

На простое «полистай» и полдня оказалось мало. Копии документов из деловой переписки, удостоверения с коротким «уполномочен», фотодокументы, выписки из представлений вели рассказ о горячем и трудном времени. Словом, об истории Коми края и вместе с тем о конкретном человеке, судьба которого так тесно переплелась с судьбой страны...

— Лето 1925 года. Колва жила заботами о предстоящей зиме: ловила рыбу, ставила сено, готовилась к сбору морошки. Брали же ее в основном дети, старики, запасались целыми бочками. Других ягод не признавали. Наверное, от предков (жителей тундры) такое шло. Готовили пистонки и кремневки промысловики. К сезону охоты на гусей. Деревенские размеренность и тишина. И вдруг оживление...

— Русский приехал. Человека на полотне делает. Как живой делает... Ефима оживляет... Исполком на бумагу берет... Больших человеков раздает...— из дома в дом разносили весть босоногие мальчишки. К исполкому, где работал «кудесник», потянулись старики. Переминаясь с ноги на ногу, с интересом и не без подозрения наблюдали за рукой художника, человека с большой земли. «Ой бур морт... Ой дельной морт!» [1],— покачивали головами старики и бережно рассматривали подаренные художником открытки «больших человеков»— великого Ленина, Луначарского, Калинина, Семашко и других.

Был этим художником Ф. А. Модоров, впоследствии многие годы ректор Московского художественного института имени Сурикова. В тот год по заданию Ассоциации художников революционной России Федор Александрович проплыл от Троицко-Печорска до устья Печоры. Заехал в Колву, где пробыл больше недели. То была, как он вспоминает в своем письме в 1966 году, самая длительная остановка на его пути.

— Учиться желает. Помогли бы... С башкой парень. Не подведет,— обратился в перерыве между позированием к художнику Ефим Манзадей, председатель волисполкома, и представил ему коренастого юношу с густой шевелюрой черных волос.

Художник видел его уже не раз. Не раз наблюдал в кругу местной молодежи как заводилу, как вожака. Активист новой власти, он часто заглядывал к «советчикам». Федор Александрович согласился помочь. А через день-два Афанасий Лымин (а это был он) вместе с художником покидал отчий дом.

Так самоедский юноша с далекого Приусья оказался в Москве, стал студентом Московского Коммунистического университета трудящихся Востока. Юноша с четырехклассным образованием Колвинской церковно-приходской школы, которую окончил еще в 1916 году.

Пять лет учебы. Годы труда по наверстанию упущенного, познание мира, всего того, что принесла и что несет Советская власть народу. Пять лет в Москве. Если не считать полугодового перерыва.

В двадцать девятом студент четвертого курса Афанасий Лымин направлен в Казахстан. В качестве политрука

[1] Бур — хороший, дельный — интересный (пер. с коми).

одного из отрядов Красной Армии участвует в ликвидации басмачества.

В тридцатом А. И. Лымина, окончившего университет, в числе лучших направляют в распоряжение Северного крайкома партии. Заведует земельным отделом окрисполкома в Нарьян-Маре. А вскоре он в Хоседа-Харде, быстроразвивающемся центре Большеземельской тундры. Лымин создает здесь первую партийную ячейку, избирается ее секретарем. Через год в районе уже 150 коммунистов. На первой Хоседа-Хардской райпартконференции, состоявшейся в ноябре 1931 года, он избирается первым секретарем райкома партии. Так он стал первым партийным руководителем в Большеземельской тундре.

А. И. Лымин с Тыко Вылко в Архангельске. В середине — Апицина, председатель первого оленеводческого совхоза

— Месяцами пропадали коммунисты в тундре. Вели агитационную работу, организовывали коллективные хозяйства, Советы, красные чумы,— вспоминает ветеран.

А уже спустя три месяца коммунист Афанасий Лымин выдвигается на должность председателя Ненецкого окрисполкома.

...Летним днем тридцать третьего года от Нарьян-Марской пристани отчаливает пароход и берет курс к устью Печоры в открытое море. Среди пассажиров и председатель окрисполкома. Ему нет и тридцати. Он приглашен на заседание Совнаркома страны с докладом о развитии и социально-культурном строительстве округа.

Сидя на палубе, Афанасий думал о Колве, о Модорове, с которым он, малограмотный юноша из единственного на Печоре села оседлых ненцев, в двадцать пятом плыл

за знаниями. И вот теперь он, Осипа Лымина сын, в ответе за край, на территории которого можно разместить несколько государств Западной Европы. Вспомнил отца, у которого если и было какое богатство, так это голос, его удивительный бас. Среди мужчин Колвы той поры были и другие мастера спеть песню, но его, старого Лымина, песни чуть ли не полсела собирали на берегу Колвы...

— Заседание Совнаркома вел П. Г. Смидович. Были М. И. Калинин, С. Орджоникидзе и другие министры. Всех и не помню. На время заходил И. В. Сталин. Отчитался. Минут двадцать говорил. Много вопросов было, советов. Окрыленный и еще больше уверенный вышел с заседания,— рассказывал Афанасий Иосифович. И уже после некоторого молчания продолжал:

— Дел, которых накопилось за три года работы и которые нужно было решить в Москве, было много. Очень мне хотелось попасть к наркому Орджоникидзе. «Будь у меня завтра»,— выслушав просьбу, сказал он мне после заседания. Наступило завтра. Каково же было мое удивление, когда на просьбу записать на прием секретарь сразу же повела меня в его кабинет. В то время как в приемной сидели люди куда более солидной должности...

Чудом сохранившаяся полуистлевшая от времени и обращения небольшая записная книжка дает достаточно полное представление о той беседе, о внимании и душевности наркома тяжелой промышленности. Не могу не привести хотя бы небольшую часть диалога.

— Слушаю, дорогой губернатор тундры,— поздоровавшись, шутливым тоном пригласил к столу нарком.

— Товарищ Серго, тундре нужны железные листы. Очень нужны...

— Что, хочешь корабли строить?

— Для оленеводов, товарищ нарком. Дымно в чумах. Глаза открывать нельзя. Будут железные печки, совсем хорошо будет...

— Это идея! Будут листы, товарищ Лымин. Обязательно будут. Ненцы должны в полные глаза смотреть,— обещал Серго и вызвал Пятакова, своего заместителя, который тут же явился.

— Это сейчас кажется мелочью — пятьсот листов железа. А тогда о большем богатстве и не мечтали оленеводы. В более чем шестидесяти чумах было покончено с мучительным бытом прошлого,— вспоминает А. И. Лымин.

На третьей и четвертой (1932 и 1934 гг.) партконференциях края Афанасий Иосифович избирается членом Севкрайкома ВКП(б). С начала 1935 года он в Архангельске,

работает руководителем по планированию национальных районов и островов Северного Ледовитого океана при исполкоме крайсовета. В 1937 году по клеветническому доносу его арестовывают. Лымину предъявляют необоснованные обвинения.

...Он никогда прежде не был в шахте. Но, взяв в руки отбойный молоток, овладел им.

В стране не хватало продовольствия. Горнякам и строителям Воркуты — тоже. Лымину поручается разведать рыбные запасы окрестных озер. Сев на нарты, Афанасий Иосифович кружит по тундре, наносит на карту месторасположение водоемов, изучает их глубины, рельеф дна, породы рыб. Бассейны рек Кары и Коратаихи, озер Харбей и Вашуткино, Синькин Нос, Югорский Шар — таковы маршруты Лымина.

Выручало отличное знание местности. Да и население Большеземельской тундры не забыло своего бывшего партийного руководителя. Каждый его приезд встречали как праздник, в чумах дымились костры, готовились угощения.

...Рабочий, буровой мастер, старший буровой мастер. Он бурил в районах 25, 26, 27, 29 шахт, пробивал главный ствол шахты № 32. Данные колонкового бурения тщательно обрабатывались специалистами, знающими проблемы вечной мерзлоты. Без них, этих данных, невозможно было бы вести строительство.

И настал день, которого так ждал А. И. Лымин. Однажды ему позвонили из городского комитета партии. Сообщили, что срочно вызывают в Москву.

Реабилитация!

— Я верил, я знал, что этот день настанет. Вернули партийный билет, хотя в душе я с ним никогда не расставался.

...Имя Лымина, коммуниста с почти шестидесятилетним стажем, занесено в книгу Почета Ненецкого окружкома партии и окрисполкома. Афанасий Иосифович — почетный гражданин Воркуты. Города, которому отдано более двух десятков лет жизни и труда.

В год двадцатилетия воркутинской городской партийной организации в приветственном адресе на имя ветерана первый секретарь горкома писал: «В этот торжественный день заверяем Вас, ветерана городской партийной организации, что слава Воркуты на трудовом фронте не померкнет, и в новых делах всегда будет ярко сверкать луч, зажженный Вами. Ваш труд, жизненный путь всегда будут служить примером для молодежи»...

Развивается, молодеет родное Припечорье. В этом немалая заслуга и его, ветерана партии Афанасия Лымина.

НА ФРОНТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Весть о нападении гитлеровской Германии на нашу страну в Колву пришла в тот же день. А спустя три дня село провожало первых своих сынов на битву с врагом.

— Поверьте, земляки, еще не успеете убрать хлебное поле, испечь лепешки из свежего урожая, как придет победа. Это я вам говорю, Еру. А если что, не поминайте лихом. Не посрамлю родной Колвы,— говорил на митинге, прощаясь с односельчанами, А. А. Артеев, самого высокого роста (под 190 см) мужчина в селе. И звали его не иначе как Еру (высокий).

Не вернулся к уборке урожая передовик колхоза Александр Артеев. Еще не заколосился ячмень на хлебных полях, как пришло известие: погиб, защищая Родину от врага.

Погиб и Т. И. Босманов, уехавший на фронт в один день с А. А. Артеевым.

Шло время. Один за другим прощались колвинцы с родным селом, уезжали туда, где решалась судьба страны.

С первых месяцев войны и до победного дня в авиационных частях Южного, Северо-Кавказского, 4 Украинского, а затем 3 и 1 Белорусского фронтов сражался один из пяти братьев Вонгуевых — Петр.

В мае 1945 года командование войсковой части в письме на родину П. Ф. Вонгуева писало: «С 1942 года находится тов. Вонгуев в нашей части. За это время он зарекомендовал себя передовым и отважным воином...

Орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими наградами наградила Родина этого скромного и отважного воина.

В боях за Берлин старшина Вонгуев совершил исключительно мужественный поступок. В критический момент боя на подступах к Берлину на позицию части прорвался немецкий танк. Бесстрашный воин, вооруженный гранатами, один пошел на танк и подорвал его, тем самым спас жизнь многих советских воинов...

Панкевич, секретарь партийной организации авиационного полка.

До Берлина дошел и Иван Вонгуев, воевавший командиром стрелкового взвода в составе войск Волховского, второго Прибалтийского, а затем первого Белорусского фронтов с января сорок третьего. Дважды в ходе боев настигала его вражеская пуля, но он снова возвращался

в строй. И уже в конце апреля сорок пятого И. Ф. Вонгуев в боях на улицах Берлина получает третье ранение.

Ратный труд Ивана Вонгуева отмечен орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина». В год 40-летия Победы в Великой Отечественной войне он, как и его братья Петр и Александр Вонгуевы, награжден орденом Отечественной войны I степени.

Не вернулся с фронта Михаил Вонгуев. Сложил голову в боях за Ленинград в сорок третьем и самый младший из братьев — Андрей Вонгуев, девятнадцатилетний командир взвода.

Азария Фирсова война застала на действительной службе. В первые же дни получает боевое крещение. Воюет в составе Карельского, первого и второго Белорусского фронтов. Участвует в освобождении Рославля, Минска, Люблина. После Победы долгое время преподавал в военном училище в Виннице.

Смертью храбрых при прорыве Ленинградской блокады пал его брат младший лейтенант Иван Фирсов.

— Экзамены сдал на «отлично». Сюда не пиши. Через день-два буду на фронте,— писал он старшему брату из Великого Устюга 19 января 1944 года.

А 1 июля 1944 года командир пулеметного взвода И. В. Фирсов, удерживая важный в стратегическом отношении рубеж, не отступил ни на шаг, погиб вместе со своими бойцами. Ему не было и девятнадцати.

О героическом подвиге командира взвода 185 стрелкового полка 224 стрелковой дивизии в июле сорок четвертого писалось в письме командира войсковой части на имя Усть-Усинского райвоенкома. Письмо было прочитано его односельчанам.

В составе 1324 легкого артиллерийского Краснознаменного ордена Кутузова полка 2-го Украинского фронта наводчиком орудия прошел войну Н. С. Едов. О его фронтовых дорогах говорят награды: медали «За отвагу», «За освобождение Праги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены». Но война для Николая Сысоевича не закончилась с Победой над Германией. Он был награжден медалью «За победу над Японией».

Сорокалетним уходил на фронт Р. Е. Тось. Ему, бойцу Новосибирского стрелкового полка, прошедшему не один бой с колчаковцами в годы гражданской войны, было знакомо ратное дело. И старый солдат с честью прошел Великую Отечественную до дня Победы. Воевал отважно. Свидетельствуют об этом медаль «За отвагу» и другие награды.

Гвардии сержантом закончил войну Федор Бутаков, прошедший всю войну в составе 80-й Морской бригады командиром отделения. Кавалером двух орденов Славы и многих медалей вернулся после Победы М. И. Хатанзейский.

Семнадцатилетним добровольцем ушел в конце сорок третьего на фронт комсомолец Алексей Высоких. Окончил снайперскую школу. В составе девятой гвардейской ударно-прорывной армии принимал участие в освобождении Венгрии и Австрии. Помнит горячие бои на улицах Будапешта, у озера Балатон. За героизм в бою на подступах к Вене А. М. Высоких награжден орденом Славы.

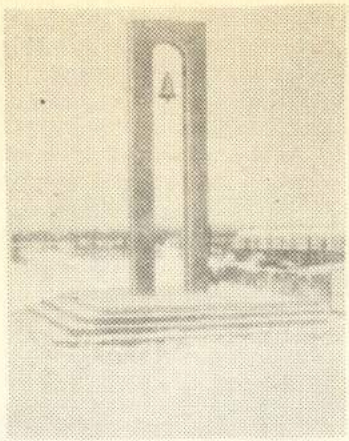
Ветеран войны А. М. Высоких.

Инвалид Отечественной войны А. М. Высоких, проживая в Печоре, часто встречается с молодежью города, рассказывает о годах комсомольской юности, опаленной войной.

Политработником прошел всю войну П. М. Лабазов, закончивший ее в звании майора. Его грудь украшают два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды и многие медали. О смелости и отваге бывшего политработника говорят и Благодарственные письма Верховного Главнокомандующего. В одном из них написано: «За отличные боевые действия при овладении немецкими городами Штольц и Пунк». В другом: «За отвагу и геройство при штурме города и порта Гдыни».

Прокопий Михайлович живет в Москве, ведет большую работу по патриотическому воспитанию в трудовых коллективах, среди учащихся школ.

Ветеран войны П. М. Лабазов.



Обелиск погибшим колвинцам в годы войны 1941—1945 гг.

...Более семидесяти человек ушло из Колвы на фронт за годы Великой Отечественной войны. Почти половина из них не вернулась с поля битвы. Погибли родные братья Григорий и Василий Мольковы, Павел и Александр Манзадей. Четверых сыновей — Ивана, Николая, Ефима и еще Ивана (Иван-младший) — проводил на фронт старый таежник Ксенофонт Чаев. На всех четырех получил короткие, обжигающие болью известия: «Ваш сын погиб геройской смертью, защищая социалистическое Отечество».

Не вернулись в село первый председатель колхоза С. Н. Архипов и Ф. Н. Филиппов, руководивший колвинским колхозом в год начала войны...

Помнят и чтут колвинцы односельчан, отдавших свои жизни за счастье сегодняшнего дня, за мир на Земле. В память о них в центре села установлен обелиск.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Летописи Колвинской Никольской самоедской церкви. (Госархив Коми ССР).
2. Мамадышский Н. Н. Усинский край. С.-Петербург, 1910.
3. А. Базанов, Н. Казанский. Миссионеры и миссионерские школы на Севере. Севкрайгиз, 1936.
4. Воспоминания старожилов Колвы и Усть-Усы, документы переписки с краеведами Припечорья (из личного архива).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Далекое начало 3
Ненцы и коми: взаимоотношения 6
Так входила новая жизнь 8
Колва на полотнах художника 13
Вторая в крае 16
Первый съезд Советов самоедов 20
«Красная попадья» 27
В борьбе за счастье народа 32
Ненец из Колвы 35
На фронтах Отечественной 41

Семяшкин Т. И.

Колва — коми-ненецкое село.— Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991.— 48 с.

ISBN 5-7555-0359-1

Прошлое и настоящее старинного села Колвы, расположенного неподалеку от г. Усинска, самобытный уклад жизни северного села, его люди,— обо всем этом рассказывается в очерке журналиста Т. И. Семяшкина.

С $\frac{0503020900 - 047}{М\ 128[03] - 91}$ Без объявл.

Научно-популярное издание

Семяшкин Томас Иосифович

КОЛВА — КОМИ-НЕНЕЦКОЕ СЕЛО

Очерк

Редактор А. В. Тентюков
Художественный редактор В. Б. Осипов
Технический редактор А. Н. Вишнева
Корректоры Н. Ф. Габова, А. А. Надуткина

ИБ № 1608

Сдано в набор 19.07.91. Подписано к печати 21.10.91. Формат 84×108 1/32. Бумага № 2. Гарнитура «Журнальная». Печать высокая. Усл. печ. л. 2,52. Усл. кр.-отт. 2,73. Уч.-изд. л. 2,63. Тираж 3000. Заказ № 6297. Цена 40 коп. Коми книжное издательство. 167610, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229.

Головное предприятие Коми республиканского полиграфического производственного объединения. 167610, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.